

Ведун

Жанр произведения: Поэзия

Произведение написал автор BookBox Аркадий Люборацкий

Ссылка на публикацию

Глава 1

Нить разорвана, и всё ушло в былое,

Пыли слоем враз погребено.

Где бродить, куда нести мне Слово,

Что моим устам нести дано?

Как понять, что страх сильнее боли,

Что снутри терзает эту плоть.

На песке лишь только пятна крови,

А от тела только пепла горсть.

Трус ли я? Да вроде не считался.

Сколько битв прошёл, и храбр был.

Сколько раз я кровью умывался,

Остужая ярый дерзкий пыл.

Не забыл я битву в междуречьи,

Сталь клинка, звенящую о сталь,

Как солдаты уходили в вечность,

Кровью омывая календарь.

Полк в засаду дружной кавалькадой,

Хрип коней и скорбный стон земли.

Как живым я выбрался из Ада,

Рук и ног не чувствуя своих.

Я не сдался, плен мне хуже смерти.

День и ночь болотами плутал.

Не искал тогда горячей мести,

Веру в Господа в душе своей искал.

Помню яркий свет во мраке ночи,

Голос, словно Ангел, говорил.

И меня не волновало больше,

Как я жил и кем я раньше был.

Плоть страдая, исцеляет душу,

Гонит прочь всё то, что неважно.

Ангел мне сказал, как будет лучше,

Что нести мне Слово суждено.

Без вести пропавший я для мира.

Нет меня, погиб я в схватке той.

Сидя на краю болотной гнили,

Ангел разговаривал со мной.

Раны мхом болотным заживляя,

Я познал природы вечной мощь.

Я узнал, зачем являлся Ангел

День за днём и каждую же ночь.

Исцелять всех страждущих я должен,

Забирать в себя чужой недуг.

Сталь клинка уже ржавеет в ножнах,

Ну а я теперь – «болотный дух».

Сабля острая со мной всегда и всюду.

Сколько резала, рубила и рвала.

Талисман и верная подруга,

Сколько крови вражьей испила.

Шли недели, годы пролетали.

Лес стал домом для меня родным.

Сколько раз ходил я к месту схватки,

Сколько душ заблудших исцелил.

Обретая опыт и уменье,

Лёгким жестом боль снимал с сердец.

Но не может жизнь плыть по теченью,

И ко мне пришёл один юнец.

Глава 2

«Дядька, помоги, там мамка чахнет,

Лекарь говорит, вот-вот помрёт!

За тебя молить я Бога стану».

Сам стоит, трясётся и ревёт.

«Тело исцелить ума не надо.

Вот с душой совсем иной расклад.

Ежли смерть командует парадом,

Тут и сам не шибко будешь рад.

А! Веди, чего уж тут гадать-то?»

И в деревню с парнем зашагал.

Он сказал, зовут его все Ванькой,

Шёл и сопли на кулак мотал.

Та деревня близко, не далече,

Тропы все исхожены давно.

Иногда и слово душу лечит,

Коли излечиться суждено.

Ванька шёл всё больше отставая,

И вконец исчез в глухом лесу.

Ну да ладно, путь в деревню знаю,

Там про Ваньку люда расспрошу.

Мамка, говорит, там помирает,

Сам же сгинул, как и не был тут.

А с меня за это спросит Ангел:

Чем помог, как исцелил недуг?

Мне бы к мамке, ноги пуще ветра,

А коснись с мальчёнкою чего?

Тут уж мне никто не даст совета,

Сам пойду и сведаю где что.

День уж остывает, темень рядом.

Ну а Ваньки вовсе не видать.

Вот нелепица, и с нею нету сладу,

Может, лучше будет покричать:

«Эй, малец, эй, Ванька, да откликнись!

Я ж тебя, поганец, отыщу!

Чтоб не смог над старцем издеваться,

Хворостиной живо проучу»!

Шёл да кликал, да ругал паршивца,

Ну а сам всё в буркалы глядел.

Где ж ты, парень, ты ж совсем не птица,

Чтоб вот так вот взял да улетел.

«Ох ты ж мать, Ванятка, ты живой ли?

Сердце есть, дыхание слабо.

Не от мамки ль гадостью накрыло,

Ванечка, Ванюшка, ты чего?»

Глава 3

Он лежал, упав среди тропинки,

В темноте споткнулся о него.

Я сидел, сдувал с него пылинки,

Сам не понимая ничего.

Вот уж Ангел, дал мне испытанье –

Это не просеивать горох.

Вот ребёнок, вовсе без сознанья,

Что сидеть, какой же в этом прок?

«Полежи малеха, щас я мигом.

Только никуда не уходи.

Я сейчас, всё будет в лучшем виде», –

С дуру неудачно пошутил.

Руки положил на головёнку

И увидел явью черноту.

«Вот уж хрен, я не отдам мальчонку», –

Привкус гнили ощутил во рту.

Надо очищать, куда деваться?

Даст Господь, и мамку исцелим.

Ванька теплотой стал наливаться

И своё сознанье возвратил.

«Дядька, что ты здесь? Ведь там же мамка», –

Еле слышно Ванька простонал.

«Дать тебе бы по загривку палкой!

Про себя что утром не сказал?

Полежи немного, тут мне надо», –

Сам от черноты внутри дрожу.

Гниль течёт по жилам трупным ядом.

Хоть не баба, а гляди, рожу.

К дереву в обнимку прислонился,

Отдавая погань, что вобрал.

Мамку исцелить заторопился,

А мальчонку как-то проморгал.

Дерево большое, всё проглотит,

Может, зараз листья опадут.

То, что выживет, я это знаю точно –

У природы все всегда живут.

Парень что-то бредил еле слышно,

Вот уж да, совсем не огурец:

«Дядька, мамка, мамка, мамка, дядька».

«Вот запел, уймись ты наконец!

Спи, герой, где утро, там и свадьба,

Шибко слаб ты, да и мне не грех.

Не горюй, спасём твою мы мамку.

Всех излечим, исцелим с тобой мы всех».

Тут моё сознанье притупилось,

Я поплыл к неведомым мирам.

Ощущал, как сердце Ваньки билось,

И тепло струилось по рукам.

Стук да стук – ровнёхонько чеканит,

Стук да стук – баюкает меня,

Стук да стук – пульсируя качает

Кровь, очищенную мною от гнилья.

Глава 4

Утро, словно гром при ясном небе,

Ванька оклемавшись, причитал,

Будто чернотою хвор и не был,

Отоспавшись, отдохнув, меня ругал:

«Дядька, дядька, время убегает!

Просыпайся, к мамке побежим»!

«Всё, Ванятка, всё, уж поднимаюсь,

Эк меня целебный сон сморил».

Ноги в руки – пёхаем в деревню.

Ванька подгоняет, слёзы льёт.

Сутки прочь – эх, потеряли время,

Но надежду тут никто не отберёт.

Ветхий дом, крыльцо встречает скорбью:

Трауром закрыты зеркала,

Тянутся соседи, как рекою –

Мамка Ваньки всё-же померла.

Ванька на колени обессилив.

Что сказать, да то, что не успел.

И во рту всё тот же привкус гнили.

К Ваньке я тихонечко подсел.

«Дядька, говорил же, нужно мамку,

Ты на кой за мной попёрся в лес»?

«Вишь, как вывернулось дело на изнанку,

Ты уж шибко не серчай, прости, малец».

В дом пройти – соседи не пускают.

Отчим на скамейке во дворе.

Как случилось, может он расскажет,

Кто ещё здесь будет в чёрном сне?

«Зря ты, Ванька, землю то копытил,

Ты ушёл, она и померла.

Как-то ни ответа, ни привета,

Тихо так взяла да отошла»...

«Дай-ка гляну, вы ж не закопали?

Хоть какой-то выужу урок.

Где, ты говоришь, Ванюшки мамка»?

«Там лежит, в дому, ещё не срок»...

Люди то не видят, я то вижу,

Как от тела мамки гниль ползёт –

Стены застилает, пол да крышу,

Всю, глядишь, округу обоймёт.

Вот уж да, скучать здесь не придётся.

Сел у тела, руки положил.

Чувствую, что в теле сердце бьётся,

Ангел, что-ли, в деле подсобил?

Глава 5

Ох ты ж мать, она ещё живая –

Сердце бьётся, но всего в минуту раз.

Слава Богу, что не закопали.

Гниль, конечно, сильно расползлась.

Отвоюем мамку, отбодаем.

Прислонился к телу головой –

Гадость всю, что есть, в себя вбираю,

С носа кровь уже бежит рекой.

Капли времени как будто бы застыли,

Веки смежил – вижу всё вокруг.

Не осталось в мамке больше гнили,

Запустилось сердце в ровный стук.

«Рано хоронить её собрались», –

Выходя из дома, говорю.

Ветра вроде нет, а я шатаюсь,

Солнца вроде нет, а я горю.

«Дай-ка, Ванька, руку, отведи-ка

К дереву большому, подсоби.

С мамкой сладили, сейчас уж не обидно,

Мне теперь малеха помоги».

Отчим вдруг метнулся, но осёкся,

Взглядом я его притормозил,

А на Ваньку тушей нагрузился,

К лесу он меня и потащил.

Дерево большое, в три обхвата,

Листья вянут прямо на глазах.

Глазы из орбит ползут у Ваньки,

«Эх, малец, чего же ты в слезах?

Радоваться надо, всё сложилось,

Всё не зря, но надо нам понять,

Где ж вы погань эту подцепили?

Всё, Ванятка, можно выдыхать».

К дому возвращались тихим шагом,

Там толпа округу гомонит,

В дом вошли, а Ванька крикнул: «Мамка»...

«Не ори ты, глупый, видишь спит»...

Сел на лавку, к стенке прислонился,

Надо набираться свежих сил.

Ванька с печкой вмиг засуетился

И огонь там живо запалил.

Дальше помню плохо: плыл над лесом,

К Ангелу тянулся в облака,

А внизу какая-то завеса –

Черноты густеющей пелена.

Чую, руку дёргает мне кто-то,

Открывать глаза и не хочу.

Запах хлеба сладко плыл по дому,

Кто-то гладил нежно по плечу.

Держит сон, но запах тешит ноздри,

Всё, проснулся – хватит отдыхать.

Новый день, вот Ванька, с ним и мамка,

«Где ж смогли заразу вы сыскать»?

Глава 6

Мамка отвечала: «На погосте.

Трогала рукой своей цветок,

А вокруг цветка вороньи кости,

Будто кто их горстью ссыпать смог».

«Вот так невидаль, бывает ли такое,

Чтоб цветок отраву источал?

Он своею красотою злою

Человечью жизнь чуть не сожрал».

«Ванька отведёт, он тоже видел...

Вместе были в праздник у отца.

Посещая скорбную обитель,

Сами чуть не свидели конца».

Свежим хлебом да с хрустящей коркой,

Сытной кашей брюхо я набил.

Силы возвращает завтрак плотный,

Да ещё и квасом всё запил.

Мамка Ванькина по дому хлопотала,

Вот же как, ещё совсем вчера

Бездыханна на столе лежала,

А теперь, вишь, жизнью то полна.

Отчим, тот в полях работу ладит,

Жить-то надо, да кормить семью.

Ванька натопил с утра уж баньку,

Доверху воды налил в бадью.

Сколько вижу жизнь в деревнях разных,

Сколько лет живу в своём лесу,

Душу исцелил и сердцу праздник,

Божью милость люду донесу.

Жизнь поддерживает промысел да вера,

А без веры нынче никуда,

Руки есть, да не закиснет тело,

Да в раздумьях будет голова.

На погост мы к вечеру собрались.

Баньки жар, всё тот же хлебный квас.

С Ванькой так вдвоём и добирались,

Люди же таращились на нас.

По деревне сплетни разносились,

Что ведун бабёнку воскресил,

Но ко мне с почётом относились,

Чтоб случайно в жмых не превратил.

Ванька словно заново родился,

Где теперь те сопли пузырём?

Он вокруг меня порхал, как птица,

Щебетал о чём-то о своём.

Глава 7

«Слушай, Ванька, всё-ж мне интересно,

Сколько знаю, нет таких цветков,

Что ж за диво, что ж это за песня,

В коей столько непонятных слов?

Только ты да мамка захворали,

Иль какой ещё иной секрет?

Если гниль идёт, я точно знаю,

Никому спасенья больше нет».

«Тот цветок у бати на могилке

Вырос ни с того и ни с сего.

Сам весь чёрный, будто бы с картинки,

Капли крови капают с него.

Мамка попыталась, я пытался

Выдернуть с земли, да не свезло.

Как там вырос, так там и остался,

Ну а нас накрыло тень да зло.

Мухи пролетают — тут же дохнут,

Птица подойдёт — и тут же смерть.

А другие что, они ж не могут

За чужой могилкою смотреть.

Вот мы с мамкой батю навещаем,

Он и так при жизни был как перст.

В общем, много я о нём не знаю,

Было мне тогда немного лет.

Говорят, как будто был он магом,

Только я не верю, чепуха.

Мамка мне бы тут же рассказала,

Но молчит, как пыльная стена».

«Нет, дружок, об этом не трезвонят.

И гордиться нечем, коль всё так.

Колдунов, как знаю я, хоронят

В стороне от люда, как собак».

«Всё как есть — в сторонке, на отшибе.

Люд не ходит, вороны галдят.

Лично сам один разок я видел,

Как там черти пьяные сидят.

Думал, показалось, раз — и нету,

Если рассказать, так засмеют.

Чую, прав ты, дядька, есть секреты,

Если черти на могилке пьют».

«Сабелька моя всегда со мною.

С Божьим Словом упокоим всех.

Ты, Ванятка, постоишь в сторонке,

Ну а мне, коль что, и помахать не грех».

Слово за слово, шагали, сумерело.

На погосте в вечер не к добру.

Ванька вёл себя довольно смело,

Я же будто солнце поутру —

Тихой поступью, едва-едва услышишь,

Сабля наготове, Бог со мной.

Слушал глубину погостной тиши,

А вокруг молчанье да покой.

Глава 8

Нет креста на батиной могиле –

Тёмный холм да кости воронья.

«Как же с мамкой вы сюда ходили,

Тут дышать же сложно от гнилья»?

«Было всё нормально, верь мне, дядька!

Лишь недавно только началось...

Год седьмой прошёл со смерти бати –

Крест истлел, и там цветок пророс».

«Вот же как, нарочно не придумать...

Ну а отчим, с вами он давно»?

«Ох ты, дядька, да примерно столько,

Как из гнили семя проросло»!

«Что тут скажешь, батя твой ревнивец,

Мамку отдавать не захотел –

Вылез с-под земли, травя всё гнилью...

Помер, так покойся не у дел.

Ладно, Ванька, тут уж всё понятно,

Маг он иль колдун – один разрез.

Надо нам назад его упрятать,

Чтоб к живым он боле не пролез».

Чёрный цвет, трава вокруг иссохла,

Кровь сочится прямо с лепестков.

«Ну-ка, Ванька, ты постой в сторонке,

Чтоб не наломать случайно дров».

Взялся за цветок, и пляска Ада –

Черти пред глазами кутерьмят,

Кто-то в ухо шепчет мне: «Не надо»!

Я же повторяю: «Свят, Свят, Свят»!

Ангел моей сабле руны делал –

На клинке святые письмена.

Взмах, другой, ах чёрное вы племя,

Только вот вам ярость от клинка.

На цветке рука, и тело стонет,

Отойти, что сразу умереть.

Тут не битва, больше даже бойня,

Как на бойне этой уцелеть?

Рву цветок, а он не поддаётся,

Вой чертей, калёной сабли свист,

Только будто взгляд увидел солнце –

Ангел от чертей поставил щит.

Вот спасибо, вовремя, родимый!

Саблей чёрный цвет напополам,

И во рту всё тот же привкус гнили,

Но теперь мне Ангел помогал.

А с цветка как будто что слетело,

Саблей резанул, да не попал,

На пути лишь только Ваньки тело,

А чертей всех Ангел разогнал.

Глава 9

«Ванечка, Ванятка, ты ли это»?

«Ты, старик, силён, но я сильней».

Вовсе не такого ждал ответа,

К Ваньке подбегая поскорей.

В тело Ваньки батя заселился –

Мутные глаза, загробный глас.

«Это ты слегка поторопился,

Сабля ни к чему уже сейчас.

Ванькино нутро я даве видел,

И в лесу состряпал крепкий щит.

Парень, выбрал ты не ту обитель,

В Ад с тобою вместе не слетит.

Но и ты в нём заперт, словно в клетке,

Подышал немного, кыш назад».

Прутик отломал от свежей ветки

И под зад его, под зад его, под зад.

После Словом Божьим да в растяжку

Изгонял из Ваньки колдуна,

Чтобы больше было не повадно

Покидать предел немого дна.

Ангелу поклон, лихая битва,

В нужный миг своим крылом накрыл.

Боевая удаль не забыта –

Помнит тело схватки жаркий пыл.

«Дядька, где я был»? – спросил Ванятка.

«Ты теперь, Ванюшка, мой герой!

Батя твой тут поигрался в прятки,

Утащить хотел тебя с собой.

Не сердись, но сесть теперь не сможешь.

Батя твой науку получил,

Чтобы помнил, лезть к живым не гоже,

Только зад я, твой, слегка отбил».

Утром вновь пришли на то же место,

Нету боле цвета колдуна –

Щебет птиц, приятный запах леса,

Мамка Ваньки радостью полна.

Ваньку как могла оберегала,

Но придётся всё-же рассказать:

Как из дома к парню убегала,

Как он начал в тайне колдовать.

Как хотела бросить, не посмела,

С ним из страха годы прожила,

Как её он палкой бил по телу,

Да ещё и Ваньку родила.

Как, столкнувшись с силой против силы,

Тот колдун в могилу отошёл,

Как людей о жалости просила,

Чтоб не жгли родимый отчий дом.

Многое узнает юный Ванька,

Мой же долг идти своим путём,

Путь мне начертал мой добрый Ангел,

И не гоже забывать о нём.

Конец.